

Инна Богачинская: Цель творчества – самоотдача.

**Художник - это не овощ вроде,
Не фрукт, и не камень во сто карат.
Художник обязан быть инороден.
Он - вечный внутренний эмигрант.**

**Художник не определяется
корешком престижного ВУЗа,
Престольностью должностей,
и тем, что о нём говорят.
Художник - это не членство
в официозных союзах,
Это сальто-мортале нот,
вихри красок и
рифм первородных заряд.**

/Инна Богачинская/

Я, СОВЕРШЕННО НЕ ОЖИДАЛА, ЧТО МЕНЯ УДОСТОЯТ НАГРАДЫ

— Инна, вопреки утверждениям о том, что литература потеряла свое прежнее значение, в Греции, состоялся 1-й Международный литературный и творческий фестиваль им. А. П. Чехова. Планируется к изданию Ваша новая книга, а первый литературный альманах русского зарубежья учредители фестиваля посвятили Вам! Что Вы чувствовали, когда получали награду за вклад в русскую литературу и развитие цивилизации?

— Фестиваль, на который меня пригласили в качестве члена жюри, вошёл в категорию нежданно свалившегося чуда. Я, конечно, совершенно не ожидала, что меня удостоят и награды «За вклад в развитие русской литературы и цивилизации», и что получу приз издательства «Наука и Слово», которое планирует напечатать мою книгу. И уж совсем была ошарашена, когда выяснила, что Президент и Учредитель фестиваля Марина Куртиду посвятила первый Альманах русскоязычного Зарубежья «Родомысл2005» и прекрасно оформленную ею авторскую обложку мне. Вообще Марина – личность огромного размаха. Она и доктор классической филологии, и лексикограф, и художник, и журналист, и предприниматель, и президент организации «Нефели», и директор туристической компании «Нева Холидейз», и ещё ко всему она - член регионального Парламента. Марина одержима идеей, объединить всех русскоязычных представителей литературы и искусства, и дать им возможность встречаться, общаться друг с другом и быть услышанными.

Что касается интереса к литературе и, в частности, к поэзии, то как во всём, каждому – своё. И, соответственно, у авторов, имеющих своё лицо и свой голос, всегда находятся читатели. Ведь, можно сказать, что поэзия – это одна из форм существования для россиян. Она помогала им в самые безысходные дни. Вспомним хотя бы стихи Симонова. А вообще у человека должна быть внутренняя необходимость к творчеству. Бьющая во все твои системы, когда ты просто не можешь не творить, иначе тебя разорвёт. Тогда это истинно. И уже неважно, добьёшься ли ты признания, или будешь известным в узком кругу. Как у Пастернака: «Цель творчества – самоотдача, а не шумиха, не успех».

Справедливости ради, могу сказать, что у меня, например, в Греции покупали книги. Но я никогда на это не делаю ставку. Вообще я и бизнес – это совсем «не близнецы-братья»...

— Каковы перспективы нового литературного альманаха? Чем он примечателен и интересен?

— О перспективах Альманаха говорить не мне, а издателям. Примечателен он тем, что под его крышей поселились совершенно различные литераторы, разбросанные по разным странам. Как и во всех сборниках такого типа, далеко не всё равнозначно. Я вообще предъявляю к слову очень высокие требования и поэтому мои мерки всегда завышены. Но все, естественно, имеют право на самовыражение. Я об этом говорила участникам фестиваля не раз и объясняла различие в подходе, когда пишешь просто «для себя» и когда создаёшь самостоятельные литературные произведения.

Главное, что даже в наше, обворовывающее от занятий искусством время остались люди, которые продолжают им заниматься в любом возрасте. На фестивале были представлены разные возрастные группы и представители разных стран, включая Россию. Это согревает и обнадеживает.

Подробный материал о фестивале опубликован в газете «ЭмигрантЪ», издающейся в Германии для русскоязычной диаспоры во всём мире, в котором я делаю материалы по Америке. Вебсайт газеты: www.emigrant-news.com

ТВОРЧЕСТВО – ДОБЛЕСТЬ ОДИНОЧЕК

— Вы упомянули о том, что Марина Куртиду одержима идеей объединить всех русскоязычных представителей литературы и искусства. В связи с этим мне вспомнились строки одного из Ваших стихотворений: «Художник - это не членство в официозных союзах...» Как Вы считаете, есть ли необходимость в очередном литературном объединении?

— Я думаю, что в процитированных строчках из моего стихотворения и содержится

ответ на вопрос. Да, я глубоко убеждена, что никакое членство в самых престижных творческих союзах и объединениях не является индикатором наличия в художнике (имеется в виду широкий спектр этого понятия) той таинственной взрыво-сотворяющей смеси, тех непостижимых солнечных вспышек и затмений, непредсказуемых импульсов и реакций, состояний, пограничных с гипнотическим трансом, с психическим дисбалансом, с креном то в сторону маниакальности, то в сторону депрессивной опустошённости и небытия... В общем. всё то, что скрывается под понятием «Дар». Творчество – доблесть одиночек. Это акт саморазрушения во имя акта созидания. И никакая принадлежность ни к каким организациям, никакие регалии, звания и награды не дают основания зачислять литератора или представителя другой творческой деноминации в ранг великих. Всё разрешается очень просто: присутствует в нём способность ударять током, зажигать, вызывать смех и слёзы, или нет.

Поистине самые великие представители литературы и искусства не носили никаких званий и, к несчастью, даже никак не были отмечены современниками. Увы, примеров, к сожалению, не счесть. Маяковский, Цветаева, Бах... Зачем далеко ходить? Взять хотя бы безвременно ушедшего гениального одессита Олега Соколова. Художник, поэт, новатор во всём, что он сотворил. А не был даже членом Союза художников. Хула и гонения – вот всё, чем его отмечали официальные ценители. Но зато, какой за ним тянулся шлейф истинных ценителей, поклонников и последователей его неисчерпаемого Дара!

Конечно, было бы здорово, если бы собралось объединение литературных единомышленников, вибрирующих на по-настоящему творческих волнах, без синдромов Сальери, способных признавать талант других и восхищаться им, и способствовать его популяризации. Но, к сожалению, опыт показал, что подобные союзы сплошь заводнены эгоцентричными, любующимися собой графоманами, чтобы не сказать жёстче, которые только мечтают выпятить себя и занять руководящую должность. Вообще подобные качества всегда обратно пропорциональны таланту. Поэтому я и мало верю в возможность истинного литературного братства. А хотелось бы...

Что касается меня, то я сохраняю статус киплингвской «кошки, которая сама по себе», вдали от всех течений и назначений. Я никуда не вступаю. Несмотря на то, что несколько лет назад меня просто затягивали в Северо-американский Союз русских писателей. Но так уж сложилось на моей творческой и житейской стезе, что я не предаю своих принципов и, соответственно, себя, и не отступаю от выбранных мною высот. Не скрою, что мне было очень приятно, когда после моего выступления в Москве в 2003 г., ко мне подошёл один московский поэт, писатель и издатель, подарил мне свои книги и в автографе к одной из них, в числе других строк, были следующие слова: «...ни в коем случае никуда не вписывайтесь.

Оставайтесь собой». Удивительно, как быстро он почувствовал меня. Ведь это и есть одна из основных моих личностных и творческих линий.

— Инна, в 74-ом году А. Вознесенский направлял в Вашу поддержку письмо секретарю одесского отделения Союза писателей. У Вас были трения с представителями спілки?

— Да, такой инцидент имел место быть. У меня есть письмо, которое Андрей Андреевич послал Ивану Рядченко, бывшему в то время Секретарём Одесского Союза писателей. Когда я отдала это письмо адресату, он, ознакомившись с моими стихами, сказал то, что у меня в то время устали слушать уши: - Нет социальной заострённости, упаднические настроения, и вообще, что я подражаю Надсону. Это было верхом непонимания. (Сказано мягко, т.к. Рядченко уже в мире ином). А я тогда вовсе не читала Надсона. И, кстати, когда я только приехала в Америку, тут же пошла в знаменитый тогда книжный магазин, который держал Мартьянов, известный тем, что когда-то участвовал в заговоре и в покушении на Ленина. Взяла у него Надсона, чтобы хоть знать, кому я «подражаю». Кстати, подражание вообще противоестественно мне. Я всегда и во всём сохраняю только собственное обличье. Это касается всех департаментов моей жизни и, конечно, в первую очередь, творчества. Естественно, я не нашла ничего общего в поэзии Надсона со своей поэзией.

Но к подобным ярлыкам мне не привыкать. Сколько раз на моих рукописях появлялась надпись-диагноз: «вознесенщина». Что только на меня не навешивали! А вообще нужно быть слепоглухонемым, чтобы не почувствовать, насколько во мне развито независимое личностное начало! К вопросу об одесской "спілке". Ещё осталось у меня незабываемое воспоминание. Это когда престольный поэт Юрий Михайлик, ныне проживающий в Австралии, восседал в кресле заведующего отделом культуры газеты «Знамя коммунизма». После знакомства с моими стихами он сказал следующее (память сохранила дословное соло Михайлика): - В Ваших стихах отсутствует социальная направленность (где-то я уже это слышала!). Я бы напечатал Ваши стихи, если бы Вы написали о ленинском Мемориале в Ульяновске (тогда он как раз был то ли в процессе воздвижения, то ли уже занял своё «супер почётное» место в истории), или если бы Вы были Машей, дочерью путевого обходчика.

Ручаюсь за точность приведённой цитаты. Вот так, оказывается, мне «не повезло»: мой отец отважился быть филологом, а мать – врачом. Естественно, что в государстве, где царила диктатура пролетариата, интеллигенция не была ходким товаром.

Тем не менее, мне согревает душу то, что, когда я начала приезжать в Одессу уже из Америки, моё творчество принял и оценил такой талантливый и значительный украинский поэт, как Борис Нечерда (увы, ныне покойный). Наши немногочисленные контакты незабываемы. Он даже

взял у меня интервью, которое вышло в одной из газет. Нечерда, кроме всего, был философом и мистиком. И это нас очень сблизило. Я также очень ценю творческую связь с ещё одним колоссом литературной Одессы – с Анатолием Глуцаком. Он – талантливый поэт, литератор и вообще ходячая литературная энциклопедия. Мне также приятно творческое общение с ещё одним талантливым поэтом – Станиславом Стриженоком. Из «приобретений» последних лет – писатель, историк, издатель и просто одарённая творческая натура – Павел Мацкевич. Он фактически издатель-подвижник. В своих Альманахах и в толстом журнале «AVE» он даёт пристанище творческим людям разных направлений и разных географических точек. То, что делает Мацкевич сам, практически на собственные средства, достойно удивления и восхищения.

... Я ПРОСТО ХОТЕЛА СКАЗАТЬ ЕМУ, ЧТО ОН – ГЕНИЙ.

— Расскажите, как Вы познакомились с Андреем Андреевичем Вознесенским?

— Ни для кого не секрет, что каждая творческая единица имеет свои истоки. И это отнюдь не синонимично попугайству. У каждого человека есть свои пристрастия во всём: в одежде, в еде, во всех сферах искусства и литературы. И эти пристрастия не подлежат определениям или делениям на правильные/неправильные, хорошие/плохие. Они просто ЕСТЬ, как часть личностной характеристики, ориентации, направленности. Я, например, с детства была привязана к поэзии Некрасова, Пушкина, Лермонтова. Именно в таком порядке. Потом прибавилось увлечение послевоенными советскими поэтами и поэтессами. Вообще я знала на память очень много стихов. Чуть позже на меня свалился во всю свою необъёмность единственный, неповторимый и, на мой взгляд, самый гениальный поэт 20 века – Владимир Маяковский. Было время, когда я утром просыпалась с его строчками. Даже четверостишье написала когда-то:

Каждое утро, Владимир Владимирович, как награда –
Ваш трёхглавый стих.
И сразу становится нужно и радостно
Корчевать, треножить, стыть.

Кстати, мой отец когда-то был организатором выступлений Маяковского в Одессе, и тоже его очень любил. Маяковский остался для меня на всю жизнь на самом высоком пьедестале. От него отходили все остальные поэтические векторы. Естественно, мне очень близка и гениальная Цветаева, которую тоже не

вставишь ни в какие рамки и определения.

А потом – молнией – ударил Вознесенский. Он был современником. Голос его будто исходил из меня, настолько унисонно со мной звучали его строки. Много позже, когда мы уже стали близко общаться, он мне сказал, что для него показатель высотной, т.е. талантливой поэзии, один: есть нерв или нет. Для меня в поэзии Вознесенского был оголённый нерв, вставленный в электрическую розетку.

Я даже не могла мечтать о том, что он примет и оценит моё творчество и что мы с ним будем в таких дружеских отношениях на протяжении десятилетий. И что у меня дома практически соберётся музей Вознесенского с уникальными экспонатами, которых нет больше ни у кого.

Но первая встреча была, конечно, незабываемой и забавной. Он даже написал во врезке, предваряющей одну из моих подборок в журнале «Огонёк», что нас познакомил поэт Владимир Шлёнский в Центральном Доме Литераторов. У меня, естественно, при этом «в зубу дыхание спёрло» от напряжения.

Дело в том, что в те годы я часто бывала в Москве. Не выходила из Дома Литераторов. Директор его, писатель Борис Филиппов, ко мне очень хорошо относился и даже выдал мне пропуск, чтобы я всегда могла свободно туда проходить. Я познакомилась с очень многими литераторами и со значительными поэтами. Примерно в то время я написала поэму «Репортаж с ярмарки», которая стала пользоваться большой популярностью и в Одессе, и в Москве. Молодые московские поэты переписывали её (не было ведь тогда копировальных машин). И она стала циркулировать в Самиздате. Некоторые отмечали в ней интонации и тематические акценты, близкие Вознесенскому. Среди них был один из очень одарённых поэтов Володя Шлёнский, который тоже увлекался поэзией Вознесенского. Вот он и предложил познакомить меня с ним. Я же – неизлечимая бунтарка – никогда не была частью толпы загипнотизированных поклонников кого бы то ни было, стремящихся схватить носок или волосок своего кумира. И когда Володя представил меня ему как одесского поэта и автора «Репортажа с ярмарки», первое, что я ему сказала, было как раз то, о чём я написала выше – что я не сумасшедшая поклонница, гоняющаяся за его носком, а что я просто хочу сказать ему, что он – гений. На что Андрей Андреевич ответил со свойственным ему неповторимым спонтанным чувством юмора: - Инночка, я с Вами совершенно согласен.

Я спросила его, можно ли показать ему свои стихи. Он согласился, и мы договорились о встрече. А потом, когда он прочитал их, то сказал мне настолько приятные и удивительные для меня слова, что я думала – разорвусь от радости. Помню, мы ехали в такси. Он пригласил сопровождать его на телестудию в Останкино. И я ему по дороге рассказала о том, что в Одессе меня не печатают и что я вообще сомневаюсь в ценности того, что я пишу. Вот он и спросил у меня имя Секретаря Одесского Союза Писателей и прямо в такси написал ему письмо, о котором

я рассказала выше.

— Кстати, об экспонатах: я слышал, что существует пленка с записью голоса Хрущева, где он благим матом орет на А. Вознесенского. Вы можете рассказать историю этой записи?

— Я много раз слышала эту плёнку, т.к. Вознесенский привозил её на свои выступления в Нью-Йорк. И, в частности, в последний раз это было прошлой осенью, когда он приехал на Фестиваль Русского Искусства, проходивший в Нью-Йорке. Помню, что это хрущёвское побоище происходило на каком-то заседании, может быть, Союза писателей. Но за точность не ручаюсь. Это была видеоплёнка, но в случае, когда на выступлении не было видео магнитофона, Андрей Андреевич давал аудитории слушать аудио запись. Чётко помню, как Хрущёв, неоднократно обращаясь к Вознесенскому и демонстративно называя его «господином», то ли советовал, то ли предлагал убраться из страны. Несмотря на то, что Вознесенский был тогда молод и ещё не так знаменит, держался он достойно, хотя чувствовалось, что он преодолевает невероятное волнение. Ещё, насколько я помню, Хрущёв как-то очень грубо обозвал его и обвинял в поклонении Западу. Но опять же не помню дословно речь этого «великого оратора» и властелина страны. Он тогда обрушился на молодых поэтов и литераторов. И досталось не только Вознесенскому. Андрей Андреевич рассказывал, что после этого несколько лет был в депрессии. И также, что эта хрущёвская разбойность выявила для него, кто настоящий друг, а кто – нет. Т.к. многие бывшие друзья стали от него отворачиваться. Но зато ему протянула руку и очень поддержала одарённый прозаик Зоя Богуславская, ставшая впоследствии его женой. Но Андрей Андреевич всегда говорит, что давно простил Хрущёва за то, что он реабилитировал репрессированных Сталиным людей чистой пробы, а также за то, что всё-таки благодаря Хрущёву наступил период хоть какой-то оттепели. Но вообще Вознесенский признаётся, что Хрущёв нанёс ему одну из самых тяжёлых психотравм в жизни.

ЛИЧНОСТНЫЕ ПРИНЦИПЫ, ГУМАННЫЕ КОДЕКСЫ СТАЛИ АНАХРОНИЗМОМ

— В самом начале нашей беседы Вы сказали, что поэзия – это одна из форм существования для россиян. Но современная культурная жизнь, большей частью проходит под девизом «Все на продажу», чему не в малой степени способствовало поклонение западу. Несмотря на то, что развитие культуры и литературы в частности, должно быть государственной политикой, сегодня процветают бездуховность и графоманство, а общество деградирует. Как Вы думаете, есть ли

выход из сложившейся ситуации?

— Да, поэзия, действительно, во все века в России была культовой сферой. Поэт – пророк.

Поэт – мыслитель. Поэт – мудрец. Поэт- человекоед, разбирающийся в самых запутанных закоулках души. Вот так повелось в российской культуре испокон веков. Народ наделял поэтов неограниченной властью и считал, что они могут влиять на ход событий. В памяти сохранился эпизод, когда кто-то из известных российских поэтов выступал в Нью-Йорке, и ему задали вопрос из зала с претензией, почему он не повлияет на действия тогда ещё советского правительства в отношении какой-то насущной проблемы. Можете представить, какой была его реакция. Но, как известно, в этом мире нет ничего, что бы не претерпевало изменения. Сдвигается не только земная кора, но и человеческое сознание, его ценностные ориентации. Да, к несчастью, в наше время эти перемены оказались не просто к худшему, но и просто привели к ощущению тупиковости. Большинство поэтов и вообще служителей пера перестали высекать искры из своего сердца и, соответственно, глаголом не жгут сердца других. Увы, не только в литературе, но и во всех сферах бытия наблюдается слепое поклонение Западу. А в отношении поэзии, например, поклоняться тому, что происходит в Америке, просто нелепо. Ибо для американцев поэтическое слово никогда не имело такой гипнотической силы, как в России. И я бы вообще не называла поэзией ту не зарифмованную, лишённую всякой образности словесную продукцию. Вообще поклонение и копирование – величины, обратно пропорциональные творчеству и таланту. Сегодня, к сожалению, в полную силу звучит один «лейтмотив»: продать как можно выгоднее свой товар. Личностные принципы, гуманные кодексы стали анахронизмом. Но, справедливости ради, хочу сказать, что во многом это положение вещей обусловлено тяжёлой материальной ситуацией у большинства жителей Украины, России и др. стран. Всё должно начинаться с благоустройства общества, в котором и государственное, и местное правительство хоть как-то бы заботилось о своих гражданах и делало бы что-то не для того, чтобы потом трубить об этом в предвыборных кампаниях, а реально для повышения уровня жизни и, в первую очередь, зарплат. И чтобы, как в былые времена поддерживало творческие личности, понимая, что они являются национальным достоянием.

НА «ТАКОЕ» МЫ ДЕНЕГ НЕ ДАЕМ

— **В древнем Риме приближенный императора Меценат, выполнял его дипломатические и политические поручения. Покровительство поэтам и людям искусства сделало его имя нарицательным. Не переводились меценаты и в России: Сергей Александрович Поляков, Михаил Васильевич Сабашников и многие другие. Как Вы**

думаете, почему сегодня само упоминание о меценатстве у творческих людей вызывает только негативные эмоции?

Вопрос о спонсорах и меценатах неизлечимо болен. Увы, он переключается с предыдущим. Теперь спонсоры хотят видеть реальную выгоду и притом сразу. Чего греха таить, те, кто сделали большие деньги, обычно не слишком восприимчивы к таким «умным ненужностям» и утонченностям, как поэзия и настоящая литература. Им бы дешёвое чтиво, не обременяющее их мозги, рассчитанные только на денежный улов. Да и щедростью, присущей былым меценатам, они никак не грешат. Могу поделиться собственным опытом в период, когда я должна была издавать свою четвёртую книгу «Перевод с космического». Вообще моей натуре категорически неприемлема роль просителя. О других я могу замолвить слово. А вот просить для себя совершенно не способна. Тем не менее, есть

В Нью-Йорке группа преданных мне читателей, естественно, не отягощённых набитыми карманами и счетами. Обычно с так называемыми «сильными мира сего» у меня не совпадает группа крови, как я это классифицирую. А без такой категории совпадения никакие отношения для меня не мыслимы. Но группа людей, о которых я упоминала выше, хоть и немногочисленна, но очень качественна. Они сами стали собирать деньги на мою книгу, хотя я ни за что не хотела у них ничего брать, зная их тугое материальное положение. Одна женщина, например, отработала неделю, присматривая за чьим-то ребёнком, и отдала полученные деньги мне. У нас просто был бой. Я ни за что не хотела их брать.

Тогда она сказала, что порвёт их на моих глазах, т.к. они предназначались только мне.

Другая женщина, которая вообще меня лично не знала, а только по публикациям моих колонок в редактируемом мной журнале «Семейный консультант», просто связалась со мной и спросила, сколько может стоить публикация моей книги. Я выплеснула первое, что пришло в голову: 2 тысячи долларов. Она пообещала достать для меня эти деньги. И буквально через несколько дней позвонила и сказала, что её сын передал их для меня. А ещё она сказала: - Не вы должны благодарить нас, а мы, т.к. нуждаемся в Ваших книгах.

Эта женщина, Валентина Ляуэр и её сын Михаил, были просто спущенными с Небес ангелами. Но этой суммы оказалось недостаточно. Поэтому моя «инициативная группа» стала просто толкать меня к тому, чтобы я обратилась к преуспевающим бизнесменам. Пересилив себя, я обратилась к одесситам, владеющим очень доходными бизнесами, как, например, ресторан «Одесса». Но там и в других подобных заведениях, которыми владеют одесситы, мне пожаловались на их «трудное» материальное положение. Во всех этих случаях у меня был импульс предложить им, несчастным, помощь самой. Жена одного миллиардера, родом из Одессы,

как и водится, не обремененная грузом образования (о таких я обычно говорю словами из «Интернационала»: кто был никем (там), тот стал всем (здесь)),

скривившись, сказала: - На «ТАКОЕ» мы деньги не даём.

Им надо, чтобы их имя тут же засветилось всюду. Эта когорта деньгоголиков обычно делает какую-то копеечную акцию и тут же оповещает об этом все СМИ. Они хотят увековечить свои, никому не известные фамилии, вкладывая во что-то, что может принести им хоть какую-то известность и, естественно, прибыль. Это всё мелкие, убогие душонки, которые, несмотря на свои богатства, ущербны, жалки и ничем не отличаемы, как асфальт, или болтик огромного механизма, не ведающего даже о наличии этого нахохлившегося болтика.

Но справедливости ради, должна сказать, что было несколько врачей, не одесситов, которые тут же выписывали мне чеки на 500 долларов.

По-моему, дальнейшие комментарии излишни. В вопросе меценатов, равно, как и в любом другом явлении, нет однозначности. Но, как правило, всё определяется параметрами души и личностных ценностей. Дают обычно те, у кого не густо в кармане, зато просторно в душе. Дай Бог им здравствования! И ещё очень хотелось бы, чтобы истинно талантливым людям никогда не надо было ни о чём просить. Хотя, как известно, когда Всевышний даёт Дар, Он забирает что-то другое. Но мы-то знаем, что ценнее...

Напоследок хотела бы предложить Вам своё благодарственное двестишьё тем, кто помог издать мне книгу. Кстати, оно так запало в душу одесскому композитору Светлане Перепёловой, что она написала песню и включила её в свой новый диск.

Я благодарна тем, кто вынул
Из душ своих и кошельков
Тепла и щедрости лавину,
Так элегантно и легко.

Пусть не скудеют их карманы.
Пусть праздник длится без конца.
И пусть с Небес слетает манна
В их благородные сердца.

Интервью провел Ростислав Иванов Донецк – Нью-Йорк. 12 августа 2005 года